

ные связи памятника, его переводы с других языков и на другие языки.

Исследование текста «Жития Алексея Человека божия», его литературной истории до сих пор является образцовым, несмотря на то что со времени издания книги прошло уже более полувека. Работе этой подражают у нас и за рубежом историки средневековых литератур в своих исследованиях отдельных памятников. И опять-таки следует подчеркнуть: и в исследовании этого памятника, как и многих предшествующих, его история для В. П. — только часть истории литературы. Читая книгу В. П., мы следим за сменой литературных вкусов и приемов переработки текста, за историей идеи и сложным развитием взаимоотношения литературы и фольклора. Мы узнаем из книги В. П., как перерабатывался памятник для театра, как взаимодействовали отдельные жанры фольклора и литературы, как соотносились украинская, русская и польская литература.

Литературная история «Жития Алексея Человека божия», реконструированная В. П., может быть названа историей древне-восточнославянских литератур в миниатюре.

Широкий историко-литературный подход к изучению литературной судьбы отдельных памятников явился только одним из подступов к полному пересмотру концепции историко-литературного процесса русского и украинского средневековья, существовавшей в старой академической науке. Надлежало пересмотреть также и самый репертуар памятников, который традиционно привлекался для построения историко-литературных обзоров старинной нашей литературы.

Впоследствии в статье «Основные задачи изучения древнерусской литературы в исследованиях 1917—1947 гг.» В. П. писала: «Новая точка зрения на этот репертуар и пополнение его новыми находками и включением в кругозор литературоведа произведений, ранее остававшихся вне его поля зрения, радикально изменили наше представление о самом происхождении древнерусской литературы и о преобладающем ее характере».¹ Работы В. П. в этом направлении касаются прежде всего XVII в. Эта эпоха была совершенно не понята в старом академическом литературоведении. Не понят был переходный характер литературы XVII в., от древней к новой. На этот счет существовали разные точки зрения, каждая из которых была слабо обоснована и не столько осмысляла материал изнутри, сколько «накладывалась» на него сверху. Не понята была классовый характер древнерусской литературы этого периода и разнообразие сосуществовавших в ней стилей.

Неясности с XVII веком были настолько велики, что один из первых литературоведов, попытавшихся создать историю древней русской литературы как стилистическую характеристику различных эпох, акад. А. С. Орлов, вовсе отказался в первом издании своих лекций по древнерусской литературе от задачи исследования XVII в. Курс А. С. Орлова кончался на XVI в. Только во втором издании А. С. Орлов включил все же небольшую главу о XVII в., дав в ней чисто внешнюю и крайне беглую характеристику отдельных памятников XVII в., но не самой эпохи.

В. П. обратила внимание на неполноту самих наших представлений о XVII в., создававшихся на основе тех немногих памятников XVII в., которые обычно рассматривались в различных курсах истории древнерусской литературы. Она занялась изучением и изданием памятников демократической сатиры.

¹ ТОДРЛ, т. VI, М — Л, 1948, стр. 5—6.